Драгоценности / новелла

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Драгоценности / новелла ДРАГОЦЕННОСТИ

Господин Лантэн познакомился с ней на вечере у помощника заведующего отделом, и любовь опутала его, точно сетью.
Отец ее был сборщиком податей в провинции; он умер несколько лет назад. Она переехала в Париж вместе с матерью, которая завела знакомство с буржуазными семьями по соседству, желая выдать дочь замуж. Люди они были бедные, но в высшей степени приличные, скромные и приятные. Дочь казалась тем совершенным образцом порядочной девушки, которой всякий благоразумный молодой человек мечтает вручить свою судьбу. В ее скромной красоте была прелесть ангельской чистоты, а неуловимая улыбка, не сходившая с ее губ, казалась отблеском ее души.
Все кругом расхваливали ее, все знакомые без конца повторяли: «Счастливец, кто женится на ней. Лучшей жены не найдешь».
Господин Лантэн, служивший тогда столоначальником в министерстве иностранных дел, с годовым окладом в три тысячи пятьсот франков, сделал предложение и женился на ней.
Он был с ней неописуемо счастлив. Она вела хозяйство с такой искусной расчетливостью, что они жили почти роскошно. Какими только заботами, нежностями, милыми ласками не дарила она мужа; она была так обольстительна, что после шести лет супружества он любил ее еще больше, чем в первые дни.
Он не одобрял в ней только пристрастия к театру и фальшивым драгоценностям.
Ее приятельницы (она была знакома с женами нескольких скромных чиновников) то и дело доставали ей ложи на модные спектакли и даже на премьеры; и муж волей-неволей тащился с ней, хотя эти развлечения страшно утомляли его после трудового дня. Он упрашивал ее ездить в театр с какой-нибудь знакомой дамой, которая могла бы проводить ее потом домой. Она долго не соглашалась, находя это не совсем приличным. Наконец уступила ему в угоду, и он был ей за это бесконечно признателен.

Но страсть к театру скоро вызвала в ней потребность наряжаться. Одевалась она, правда, всегда со вкусом, но очень просто, скромно, и казалось, что ее тихая неотразимая прелесть, бесхитростная прелесть, вся светящаяся улыбкой, приобретала в простом наряде какую-то особую остроту. Она усвоила привычку вдевать в уши большие серьги с поддельными бриллиантами и носила фальшивый жемчуг, браслеты из низкопробного золота, гребни, отделанные разноцветными стекляшками, изображавшими драгоценные камни.

Мужу неприятно было это пристрастие к мишуре, и он часто говорил ей:

— Дорогая моя, у кого нет возможности приобретать настоящие драгоценности, для того красота и грация должны служить единственным украшением; вот поистине редчайшие сокровища.

Но она тихонько улыбалась и повторяла:

— Что поделаешь! Мне это нравится. Это моя страсть. Я прекрасно понимаю, что ты прав, но себя не переделаешь. Я обожаю драгоценности.

И, перебирая жемчужины ожерелья, любуясь сверканьем и переливами граненых камней, она твердила:

— Да ты посмотри, как они замечательно сделаны. Совсем как настоящие.

Он улыбался.

— У тебя цыганские вкусы.

Бывало, когда они коротали вечера вдвоем, она ставила на чайный стол сафьяновую шкатулку со своими «финтифлюшками», как выражался г-н Лантэн, и принималась рассматривать поддельные драгоценности с таким страстным вниманием, словно испытывала глубокое и тайное наслаждение. При этом она неизменно надевала на мужа какое-нибудь ожерелье и от души смеялась, восклицая: «До чего же ты смешной!» — а потом бросалась ему на шею и пылко целовала его.

Как-то зимой, возвращаясь из Оперы, она сильно продрогла. На другой день у нее начался кашель. Через неделю она умерла от воспаления легких.

Лантэн едва сам не последовал за ней в могилу. Его отчаяние было так ужасно, что он поседел в один месяц. Он плакал с утра

до вечера, сердце его разрывалось от невыносимых страданий; голос, улыбка, все очарование покойной неотступно преследовали его.

Время не сгладило его горя. Даже на службе, когда чиновники собирались вместе поболтать о новостях, щеки его вдруг надувались, нос морщился, глаза наполнялись слезами, лицо искажалось, и он начинал плакать навзрыд.

Он в неприкосновенности сохранил спальню своей подруги и каждый день запирался там, чтобы думать о ней. Все в комнате — мебель и даже платья — оставалось на том же месте, что в последний день ее жизни.

Но жить ему стало трудно. При жене его жалованья вполне хватало на все хозяйственные нужды, теперь же оно оказывалось недостаточным для него одного. Он недоумевал, каким образом она ухитрялась всегда подавать ему прекрасное вино и тонкие блюда, которых теперь при своих скромных средствах он уже не мог себе позволить.

Он начал делать долги и бегал в поисках денег, как человек, доведенный до крайности. Наконец, очутившись однажды без гроша в кармане, — а до выплаты жалованья осталась еще целая неделя, — он решил что-нибудь продать; и сейчас же ему пришла мысль отделаться от жениных «финтифлюшек», потому что в глубине души он сохранил неприязненное чувство к этой «бутафории», которая в былое время так раздражала его. Вид этих вещей, ежедневно попадавшихся ему на глаза, даже слегка омрачал воспоминание о любимой женщине.

Он долго разбирал кучу оставшейся после нее мишуры, так как до последних дней своей жизни она упорно продолжала покупать блестящие безделушки и почти каждый вечер приносила домой что-нибудь новое. Наконец он выбрал длинное ожерелье, которое она, по-видимому, любила больше всего; он считал, что может получить за него шесть — восемь франков, потому что для фальшивого оно было сделано действительно весьма изящно.

Он положил ожерелье в карман и отправился бульварами в министерство, разыскивая по дороге какой-нибудь солидный ювелирный магазин. Наконец он увидел подходящий и вошел, несколько стесняясь выставлять напоказ свою бедность, продавая

столь малоценную вещь.
— Сударь, — обратился он к ювелиру, — мне хотелось бы знать, во что вы можете это оценить.
Ювелир взял ожерелье, оглядел его со всех сторон, прикинул на руку, вгляделся еще раз через лупу, позвал приказчика, что-то тихо сказал ему, положил ожерелье обратно на прилавок и посмотрел на него издали, чтобы лучше судить об эффекте.
Господин Лантэн, смущенный такой долгой процедурой, уже открыл было рот, чтобы произнести: «Ну да, я отлично знаю; что оно ровно ничего не стоит», — как вдруг ювелир заявил:
— Это ожерелье, сударь, стоит от двенадцати до пятнадцати тысяч франков; но я куплю его только в том случае, если вы точно укажете, каким образом оно досталось вам.
Вдовец вытаращил глаза, да так и застыл на месте с раскрытым ртом, ничего не понимая. Наконец он пробормотал:
— Что вы говорите?.. Вы уверены?..
Ювелир по-своему истолковал его изумление и сухо возразил:
— Обратитесь еще куда-нибудь — может быть, в другом месте вам дадут дороже. По-моему, оно стоит самое большее пятнадцать тысяч. Если не найдете ничего выгоднее, приходите ко мне.
Ошеломленный г-н Лантэн забрал свое ожерелье и поспешил уйти, повинуясь смутному желанию обдумать все наедине.
Но на улице он не мог удержаться от смеха: «Ну и болван! Поймать бы его на слове! Вот так ювелир: не может отличить подделку от настоящего!»
И он пошел в другой магазин, на углу улицы Мира.
Как только ювелир увидел ожерелье, он воскликнул:
— А, я прекрасно знаю это ожерелье, оно у меня и куплено.
Чрезвычайно взволнованный г-н Лантэн спросил:
— Какая ему цена?
— Я продал его за двадцать пять тысяч. Могу вам дать за него восемнадцать, но по закону полагается, чтобы вы сперва указали, как оно стало вашей собственностью.
Господин Лантэн даже сел, у него ноги подкосились от изумления.
— Да… но… все-таки осмотрите его внимательнее, сударь, я всегда был уверен, что ожерелье… поддельное.

— Будьте любезны сообщить вашу фамилию, — сказал ювелир.
— Пожалуйста: Лантэн, служу в министерстве иностранных дел, живу на улице Мучеников, дом шестнадцать.
Ювелир раскрыл книги, отыскал в них что-то и сказал:
— Это ожерелье было действительно послано по адресу госпожи Лантэн, улица Мучеников, дом шестнадцать, двадцатого июля тысяча восемьсот семьдесят шестого года.
Оба посмотрели друг на друга в упор: чиновник вне себя от изумления, ювелир — подозревая в нем вора. Ювелир продолжал:
— Вы можете оставить мне ожерелье на одни сутки? Я выдам вам расписку.
— Да, конечно, — пробормотал г-н Лантэн и вышел, сунув в карман сложенную квитанцию.
Он пересек улицу, направился в одну сторону, заметил, что ошибся дорогой, повернул к Тюильри, перешел Сену, понял, что снова идет не туда, и возвратился к Елисейским полям, шагая без всякой определенной мысли. Он пытался рассуждать, понять, в чем же тут дело. Его жена не имела возможности купить такую дорогую вещь. Безусловно нет. Тогда, значит, это подарок! Подарок! От кого? За что?
Он остановился посреди улицы как вкопанный. Ужасное подозрение шевельнулось в нем: «Неужели она…»
Значит, и все остальные драгоценности тоже подарки! Ему показалось, что земля колеблется, что стоящее перед ним дерево падает; он протянул руку и свалился без чувств.
Он пришел в себя в аптеке, куда его перенесли прохожие. Его проводили домой, и он заперся у себя.
До самой ночи он неудержимо рыдал, кусая платок, чтоб не кричать. Потом, сломленный усталостью и горем, лег в постель и уснул тяжелым сном.
Солнце разбудило его, он медленно встал, надо было идти в министерство. Но после пережитого потрясения работать было трудно. Он решил, что не пойдет на службу, и послал своему начальнику записку. Потом вспомнил, что ему надо побывать у ювелира, и покраснел от стыда. Он долго колебался. Однако не мог же он оставить ожерелье в магазине; он оделся и вышел.
Погода была чудесная, синее небо раскинулось над улыбающимся

городом. Люди, засунув руки в карманы, фланировали по улицам. Глядя на них, Лантэн думал: «Хорошо иметь деньги! Богатому и несчастье как с гуся вода, делаешь что хочешь, путешествуешь, развлекаешься. Ах, будь я богатым!»

Он вдруг почувствовал голод, так как ничего не ел со вчерашнего дня. Но в кармане у него было пусто, и он снова вспомнил об ожерелье. Восемнадцать тысяч! Восемнадцать тысяч! Кругленькая сумма!

Он отправился на улицу Мира и стал расхаживать взад и вперед по тротуару против магазина. Восемнадцать тысяч франков! Двадцать раз порывался он войти, и неизменно стыд удерживал его.

Однако ему страшно хотелось есть, а денег у него не было ни единого су. Внезапно он решился: быстро, чтоб не дать себе времени раздумать, перебежал улицу и стремительно вошел в магазин.

Увидев его, хозяин засуетился, вежливо улыбаясь, подставил стул. Подошли и приказчики и, пряча улыбку, искоса весело поглядывали на Лантэна.

— Я навел справки, сударь, — сказал ювелир, — и если вы не переменили намерения, я могу уплатить предложенную мною сумму.

— Да, пожалуйста, — пробормотал чиновник.

Ювелир вытащил из ящика восемнадцать больших ассигнаций, пересчитал их и вручил Лантэну. Тот подписался на квитанции и дрожащей рукой засунул деньги в карман.

В дверях он обернулся к ювелиру, не переставшему улыбаться, и сказал, опустив глаза:

— У меня… остались еще драгоценности… тоже по наследству… Может быть, вы и те купите?

— Извольте, — кланяясь, отвечал ювелир.

Один приказчик убежал, чтобы не расхохотаться, другой принялся громко сморкаться.

Лантэн, весь красный, невозмутимо и важно заявил:

— Сейчас я их привезу.

Он нанял фиакр и поехал за драгоценностями.

Через час он вернулся, так и не позавтракав. Они принялись разбирать драгоценности, оценивая каждую в отдельности. Почти

все были куплены в этом магазине.
Теперь Лантэн спорил о ценах, сердился, требовал, чтобы ему показали торговые книги, и, по мере того как сумма возрастала, все больше возвышал голос.
Серьги с крупными бриллиантами были оценены в двадцать тысяч франков, браслеты — в тридцать пять, броши, кольца и медальоны — в шестнадцать тысяч, убор из сапфиров и изумрудов — в четырнадцать тысяч; солитер на золотой цепочке в виде колье — в сорок тысяч; все вместе стоило сто девяносто шесть тысяч франков.
— Видимо, особа, которой это принадлежало, вкладывала все свои сбережения в драгоценности, — добродушно подсмеивался ювелир.
— Такой способ помещения денег нисколько не хуже всякого другого, — солидно возразил Лантэн.
Условившись с ювелиром, что окончательная экспертиза назначается на следующий день, он ушел.
На улице он увидел Вандомскую колонну, и ему захотелось вскарабкаться на нее, как на призовую мачту. Он ощущал в себе такую легкость, что способен был сыграть в чехарду со статуей императора, маячившей высоко в небе.
Завтракать он отправился к Вуазену и пил вино в двадцать франков бутылка.
Потом он нанял фиакр и прокатился по Булонскому лесу. Он оглядывал проезжавшие экипажи с некоторым презрением, еле сдерживаясь, чтоб не крикнуть: «Я тоже богат! У меня двести тысяч франков!»
Вспомнив о министерстве, он поехал туда, развязно вошел к начальнику и заявил:
— Милостивый государь, я подаю в отставку. Я получил наследство в триста тысяч франков.
Он попрощался с бывшими сослуживцами и поделился с ними планами своей новой жизни; потом пообедал в Английском кафе. Сидя рядом с каким-то господином, который показался ему вполне приличным, он не мог преодолеть искушения и сообщил не без игривости, что получил наследство в четыреста тысяч франков.
Первый раз в жизни ему не было скучно в театре, а ночь он провел с проститутками.

Полгода спустя он женился. Его вторая жена была вполне порядочная женщина, но характер у нее был тяжелый. Она основательно донимала его.

Ги де МОПАССАН.

Французская новелла XIX века / [Сост. Б.П.Мицкевич.]
— Мн.: Изд-во «Университетское», 1984
Перевод Е.Брук. Hekaýalar